

«А скоро станция Калачинская», – доверительно и как добрым соседям объявляет проводница нашего вагона сопровождающим призывников сержантам. Это уже не вчерашняя, средних лет строгая женщина, а её юная сменщица, которой немного за двадцать. Она в меру симпатична, слегка подкрашена, на голове – довольно изящная стального цвета пилотка, превращённая с помощью простого утюга из положенной к её форме беретки. Она не спешит, ждёт реакции на своё сообщение и, стараясь показаться для двух потенциальных женихов более привлекательной, добавляет, что поезд будет стоять только десять минут, если они что-то захотят взять в пристанционном магазине. На призывников она внимания не обращает, мы для неё не женихи. Очень недружелюбно она относится и к дембелям, что просачиваются из соседнего вагона с опаской, чтобы не попасть на глаза нашим сопровождающим. Это дембеля из стройбата, они стараются тихонько, вполголоса выпросить у призывников что-нибудь из одежды, объясняя, что всё равно все гражданские шмотки пойдут на протирачный материал для армейской техники. Моя большая светлая кепка, которая сопровождала меня последние месяцы по полям и фермам в моих редакционных командировках, вполне добровольно перекочевала в руки малоопрятного и жалкого на вид сапёра и была им тут

же без благодарности упрятана под гимнастёрку, должно быть, чтобы бывшие сослуживцы не отняли. Слава богу, что эта памятная для меня кепка осталась на моих фотографиях той поры.

Поезд, плавно притормаживая, останавливается. Под высокой насыпью, далее за вокзалом, отдельно стоит тесный магазин смешанных товаров. Это уже Омская область, значит, к вечеру будем на месте. Последняя мятая пятёрка из моего расчёта за последний мирный труд просится и подталкивает к деревянному прилавку с ожившей от наплыва покупателей продавцом. Она привычными и ловкими движениями подаёт большинству спешащих пассажиров бутылки с недорогим вином, не обращая внимания на некоторых, пытающихся дождаться сдачи в десять-двадцать копеек. После схлынувшей очереди я уже готов был шагнуть к прилавку, чтобы купить себе прощального вина, но совсем неожиданно что-то блестящее и притянувшее мой взгляд сверкнуло в полистироловой прозрачной коробочке на витрине. Внимательно взглядевшись, я с радостью понял, да, ошибки быть не могло, это губная гармошка, причём немецкая, Weltmeister, и моей пятёрки как раз хватало на неё. Удивлённая продавец подала мне из витрины коробочку и ожидала, что я проверю или опробую инструмент, но я, расплатившись, вернулся в вагон и, слегка смущаясь вниманием своих незнакомых ещё сослуживцев, тихонько

извлёк звуки, пока только гаммы от до, ре и далее. Я был доволен, гармонь оказалась любимой тональности. Поезд почти незаметно трогает, а я, постепенно усиливая звук, начинаю выводить мелодию, созвучную нашему настроению.

Насмотрись, зорька, в реченьку,

Пока речка не вымерзла,

Пока ива над речкою

Зеленым-зелена.

Ты, хорошая девушка,

Наглядись на любимого,

Скоро милому в армию,

Скоро будешь одна...

Ещё задолго до Омска наши серьёзные сопровождающие предупредили, чтобы мы были готовы к высадке и не забывали своих скудных вещичек. Перед самой остановкой в вагоне вновь нарисовался капитан и проверил по списку наличие всех его подопечных. Вид его был бодр, бритые щёки гладко сияли. Высадка прошла без лишней суеты, мы, как овечье стадо, быстро выкатились на перрон и под руководством капитана вошли в почти пустой зал ожидания просторного вокзала. Сидя на массивной вокзальной скамье, под высокими старинными сводами, я пытался представить себе этот зал, каким он был полвека назад, когда мой молодой, двадцатилетний дед добровольцем отправился из этого города на фронт, где с честью погиб в бою за веру, царя и Отечество в чине младшего офицера. А капитан наш в это время по телефону-автомату вызывал из части автомобиль, громко называя свою должность и звание. Фамилия его была Кабыхнов. Я не филолог и его фамилию мысленно произвёл из выражения «кабы (хоть бы) хны», говорящего о сверхспокойствии её носителя. За прошедшие сутки мы его увидели второй раз. Должно быть, он оставался уверенным, что порученная ему для сопровождения команда призывников из сельской местности не доставит в пути беспокойства. Нам он тоже не причинил никаких лишних хлопот. Жаль, что этот здоровый спокойный капитан после прибытия в часть оказался командиром не нашей роты и даже в другом батальоне.

В заставленной железными двухъярусными кроватями казарме нас встретил пожилой неразговорчивый старшина. Лет сорока, с желтоватыми кустистыми бровями и такого же оттенка короткой шевелюрой, он довольно громко, но без

крика и лишних построений принял нашу команду у сопровождающих сержантов и разъяснил, чем мы будем заниматься в первые часы нашей службы. Самое приятное, что нас ожидало после суток, проведённых в дороге, была баня.

Снаружи казармы уже было темно и холодно, и мы, построенные в колонну, ещё не в ногу бодро зашагали во главе со старшиной за территорию части, ограждённую высоким деревянным забором. В редком мелком березняке через пару сотен метров от воинской части находилась барачного типа баня. Вдоль раздевалок слева и справа стояли широкие деревянные скамьи, на бревенчатых стенах были набиты крючки для одежды, однако старшина строго объявил и повторил, чтобы все свои вещи и поклажу мы сложили на скамьи, предварительно вынув часы, ручки, записные книжки, а также «мыльно-пупырные принадлежности», к коим отнёс, кроме мыла, зубную пасту и щётку.

Первые казённо-армейские выражения, услышанные на службе от старшин и прочего младшего командирского состава, вызывали безобидную ироничную улыбку. Зато в дальнейшем хамско-матерная речь офицеров, иногда и старших, становилась такой раздражающей и унижительной, что только осознание того, что не они же главенствуют в армии, ведь есть грамотные и настоящие отцы-командиры, успокаивало и заставляло не впадать в уныние.

А пока мы, голенькие, порядком уставшие, с «гусиной» кожей, по команде старшины ввалились в «помывочный» зал солдатской бани. Унылые стандартные жестяные тазики, серые осклизлые скамьи и отсутствие парной не смогли убавить чувства радости и даже блаженства от горячей воды и её неограниченности. Однако долго блаженствовать нам не пришлось. Что-то важное торопило нашего старшину. После помывки построенные по росту в две шеренги вдоль раздевалки, стояли мы, малоотличимые, друг против друга, а между нами ходил он и сквозь рыжеватые, светлые ресницы оценивающе бросал взгляд на очередного новоиспечённого воина, при этом громко называя размер рубах, кальсонов, гимнастёрки, шапки, сапог и прочих предметов обмундирования. Его команды тут же исполнял его помощник, официально представленный как каптенармус ефрейтор Вася, который был росточком едва более полутора метров, со стеснительной детской улыбкой и явной задержкой в умственном развитии. Через пару месяцев он ис-

чез, то ли комиссовали, то ли перевели в другую часть. А обязанность каптенармуса стал исполнять наш же курсант, приглянувшийся старшине за весёлый нрав, исполнительность и расторопность, а ещё, наверное, за то, что был он светлорыж, как и старшина, у которого уже дочка была на выданье. Дурёха, с трудом окончившая после восьмилетки какие-то курсы, сидевшая на шее у папы, тоже была рыжая.

А мы меж тем, облачившись в форму, топали в часть. Я с благодарностью вспоминал мать, которая в детстве ещё научила меня правильно наматывать на ноги портянки. Наша гражданская одежонка, как и обещали дембеля в поезде, была отправлена на протирочный материал.

Прощай, одежда штатская, здравствуй, жизнь солдатская!

II

В тёплых длиннополых бушлатах или, как их называл старшина, «куртках ватных однобортных» легко и удобно шагалось в сухой холодной темноте. В громадном зале солдатской столовой нас ожидало второе удивление – команда старшины «Приступить к приёму пищи!». А следующим удивлением стала сама пища – миска «шрапнели» (перловки на воде) и чай. К каше я, и не только я один, не притронулся. Даже алюминиевая чашка тускнела слоем грязного кулинарного жира. Старшина хитро поглядывал из-под своих строгих бровей на нас, похаживая меж рядами столов, будто не замечая, как некоторые новобранцы «кочевряжатся, воротят нос» от солдатской пищи. Только через несколько дней, когда, увидев, что мы, несколько человек, ранее «воротивших нос», уплетаем «шрапнель», хитро улыбнулся, а в казарме, бесцеремонно показав на широкую угреватую морду сержанта, замкомвзвода, назидательно сказал: «Вот что значит уважать перловку». Да, спать и жрать первое время хотелось постоянно, потому что гоняли новобранцев, будущих младших командиров, с утра до вечера, как сидоровых коз. Да и вообще до принятия присяги в декабре нашим оружием были строительные инструменты для оборудования танкового полигона. Ряды новобранцев пополнялись и укомплектовывались в основном из соседних областей. Появились друзья-товарищи. За пару недель нашего пребывания в части из отпусков подтянулись командиры, от взводных до офицеров штаба. Среди командирского состава батальона только один наш знако-

10

мый старшина оказался бывшим фронтовиком. К стати, когда я служил в армии, совсем немного оставалось на службе ветеранов войны, особенно среди старшинского состава. Помню трёх таких, что вызывали (и не только у меня) чувство уважения за справедливость, неспешную, многословную мудрость и строгость. До сих пор, хотя мне уже семьдесят, помню негромкую фамилию своего ротного старшины. А вот другого, инструктора-водителя (он участвовал в сражении под Прохоровкой механиком-водителем тридцатьчетвёрки), уже тогда было слегка жалко. Дело в том, что довольно молодые бездельники – командиры подразделений – избегали к памятным военным датам делать доклады, а предпочитали пригласить «живой пример» – танкиста, участника великого сражения, с рассказом о своих подвигах. Описание подвига, кочующего от праздника к празднику из батальона в батальон, уже героическим не выглядело, даже судя по наградам на его кителе. А вот нос и щёки его всё ярче склеротически краснели прожилками от щедрых застолий, что накрывали штабные чины, не забывая поставить в свой отчёт жирную галочку о проведённой политработе к очередной победной дате. Но самым заметным и известным из старшин-фронтовиков был вовсе не танкист, а старшина учебно-стрелковой роты Солломко. Грешно не назвать имя такого человека. Его колоритная, крупная фигура и манера держаться, двигаться вызывали неподдельный интерес даже у нас, танкистов, не имеющих отношения к нему. В осенне-зимний сезон шинель его, вопреки уставу, всегда была нараспашку, шапка (а в тёплое время года фуражка) сдвинута или на затылок – признак отличного настроения, или надвинута на самые брови, что соответствовало крайнему неудовольствию. Уважали, побаивались и одновременно гордились им не только рядовые, сержанты, но и молодые офицеры. Старшие офицеры ценили его за авторитет у подчинённых и воспитательские качества, хотя, казалось бы, к воспитанию личного состава он мало имел отношения. Была в нём отеческая строгость и хозяйская заботливость о солдатах. Да, немного таких оставалось на службе.

Прошла почти неделя, и я, как и большинство, отправил письмо родителям, которые даже не знали, что меня призвали в армию. Расстраивать их тем, что на службе мне очень невесело, не стал, ведь, действительно, мне просто невесело, а не плохо. Мне уже двадцать один год, и за

плечами два курса вуза. Да и отцу, который даже в войну не служил, а работал на оборонном комбинате, вряд ли будут интересны армейские мои дела и заботы. Замполит «страшно» засекретил адрес нашего места службы. На конверте ничего, кроме «Омск-25, в/ч 42260» и литеры, обозначающей номер роты. Нынче, когда по ТВ передавали о трагедии в военном городке под Омском (обрушении трёхэтажной казармы и жертвах среди военнослужащих), я с трудом узнал место своей давней службы. При нас-то стояли ещё одноэтажные казармы, напоминающие просторные, добротные конюшни. А я в то время за физическими нагрузками и постижением воинских наук постепенно приходил в себя, становился служивым. Когда меня назначили ответственным за проведение политинформаций в роте, я сдуру обрадовался, потому что вместо беготни на три или пять километров каждое утро замполит обещал, что я буду усаживаться возле радио или телевизора и готовиться до завтрака к выступлению перед сослуживцами. Естественно, никто такой ерундой мне заниматься не позволил, но очередная галочка о выполняемой работе у замполита была поставлена. А если бы и случилось так, как обещал он, я бы чувствовал себя в лучшем случае неловко по отношению к моим товарищам. Зато к окончанию учёбы в полку, как и большинство, я получил три яркие знака военной и спортивной доблести, то есть стал классным специалистом и спортсменом-разрядником, хотя и не очень-то стремился к этому. Жёстко действовал закон военной учебы: не умеешь – научим, не хочешь – заставим! И некому поплакаться, потому что в присяге, которую мы приняли ещё в декабре, сказано «стойко и мужественно переносить все тяготы военной службы».

Снег в прииртышских степях сошёл быстро. Апрель обнажил прошлогоднюю рыжевато-серую траву. Ещё неделя, и наступит май, а там ярко и буйно зазеленеют травы под редким березняком и ультрамарином заголубеют степные цветы. А наши стриженные «под ноль» головы до сих пор не позволяют украсить даже короткой причёской, причём замполит ссылается, что это для нашей же пользы – «не будет лысины, как у меня». Это обстоятельство слегка утешало. Да и у нашего взводного лейтенанта, хотя он только на год старше меня, уже глубокие залысины, отчего он выглядит старше своего возраста. Но не только неприветливый внешний вид, а также необщительность с другими молодыми офицерами

делали его малоуважаемым даже для нас, его подчинённых. Меня, мягко сказать, он невзлюбил. Причина, конечно же, была. На занятиях политподготовки я не мог терпеть, когда он выдавал очередную порцию политической безграмотности. Будучи уличённым в глупости в очередной раз, он, разыгрывая экранного Чапаева, мог с гордостью сказать: «Мы академиев не кончали», а в дальнейшем поручал политподготовкуержанту. Обладая изрядной кривоногостью, подчёркиваемой любимыми им хромовыми сапогами, и скрипучим, как у вспугнутой утки, голосом, он и фамилию-то носил Крекотень.

Только накануне Первого мая, когда мы уже на афише прочитали, что в праздничный день в солдатском клубе будет демонстрироваться новый цветной фильм «Война и мир», нашему взводу было объявлено: завтра заступаем в караул. Мне ясно, что командир батальона так же, как и большинство, недолюбливает нашего лейтенанта за то, что тот вовсе не орёл и никогда им не станет.

Американскую экранизацию «Войны и мира» я видел во время хрущёвской оттепели, лет шесть назад, она просто очаровала меня, поэтому хотелось посмотреть широко разрекламированную версию С. Бондарчука, сравнить их. А такая возможность появилась только через несколько лет, однако впечатления от американской двухсерийной ленты к тому времени уже изгладились, изрядно подзабылись.

III

Дежурный офицер полка, который должен был проинструктировать нас, для начала и, как оказалось, окончания инструктажа бодро и весело спросил: «Ну что, орёлики, в караул ходили?» – «Так точно», – дружно, но невесело гаркнули мы. «Ну, тогда веди их в «караулку», принимай службу», – ещё веселей отозвался дежурный по части хмурому нашему лейтенанту, отвернувшись и удаляясь к штабу полка. Радостный, уже через час он поставит подпись в толстой прошнурованной книге о том, что за время его дежурства не случилось ни войны, ни других ЧП, и со спокойной совестью присоединится к развесёлой компании соседей и однополчан. Он не заметит, что рядом с его молодой женой только что сиял розовой хмельной физиономией при чёрных усиках и масляных глазках щёголь – неженатый сосед, тотчас пересевший с гитарой на диван и пытающийся подражать Высоцкому.

А понурый наш лейтенант в «караулке» не стал особо выслушивать слова сочувствия своего коллеги, начальника сменяемого караула, и, к великой радости последнего, вместо тщательной процедуры приёма-сдачи махнул рукой и, пожелав ему успешного праздника, сменил прошлый караул с его повеселевшим начальником. Тот в радостной спешке, в предвкушении праздничного застолья даже забыл взять из комнаты начкара книгу, что приносил с собой, дабы не скучно было коротать время. Лейтенант Крекотень через несколько минут, отдав распоряжение отдыхающей смене навести порядок, чтобы всё было «вылизано, как у кота...», а бодрствующей смене учить устав назубок, удалился в комнату начкара. Но пробыл он там недолго. Распахнув дверь, он появился в узкой комнате с длинным столом, за которым солдаты свободных смен обычно обедали или писали письма. В вытянутой руке он держал толстую, в несколько сотен страниц, с фиолетовой обложкой книгу. Позвав громко сержанта Лесникова, бросил её на стол плашмя и велел завтра тому после сдачи караула передать владельцу. Из того, с каким небрежением и равнодушием он держал, а затем бросил книгу на стол, становилось ясно, откуда его косноязычие и полуграмотная речь. Сержант взял книгу, бережно раскрыл её, а я уже знал, что это та самая, с «Избранным» любимого моего писателя, возвращённого читателю своей Родины всего-то лет десять назад. А сержант, мой добрый командир, возможно, впервые в жизни прочитав фамилию автора книги и название сборника (в школьной программе его не было), исподлобья своего мужицкого широкого лица хитроватыми небольшими глазками взглянул на меня и протянул её со словами: «Успевай читай, Миша». Обратился он ко мне не по уставу, назвав по имени, что допускал только при отсутствии вышестоящих командиров. Не сумев поступить два года назад в институт, он ко мне, бывшему студенту, относился очень доброжелательно, несмотря на суровый вид и огромные крестьянские кулаки.

Я, даже не присаживаясь, открыл книгу на оглавлении и жадно искал название моего любимого рассказа. О, радость и счастье! Он среди других, написанных в эмиграции. Всего два слова в названии, но они удивляли и ослепляли сознание, тянули тут же отключиться от всего окружающего, перенестись на борт летнего волжского парохода.

И вдруг что-то подтолкнуло меня обратиться ко всем, свободным от вахты, что сидели за письменным столом или пытались в комнате отдыхающей смены вздремнуть на жёстких топчанах, с предложением послушать рассказ. Как они согласились? Наверное, поверили мне, что он короткий, но про яркую и необычную любовь. А что же меня заставило увлечь своих товарищей из мрачного караульного помещения под лучи майского степного солнца? Основной причиной явилось стремление поделиться с сослуживцами тем, что мне было особо дорого, почти так же, как недавно я поделился с ними содержимым посылки, полученной от моих пожилых родителей. А в том, что сумею привлечь их внимание своим чтением, я не сомневался, потому что ещё в университете дважды выходил призёром в конкурсе чтецов. Но не мастерством чтения хотелось привлечь их, а гениальным талантом автора рассказа.

Человек пять, идя вслед за мной из «караулки», сели на скамейки рядом со входом, и я, раскрыв книгу, расположился прямо на крыльце. Из «колокола» радиовещания на высоком столбе звучала подходящая, не раздражающая музыка.

«После обеда вышли из ярко и горячо освещённой столовой на палубу и остановились у поручней», – первая фраза, медленно прочитанная мной, должна была увлечь слишком быстротечную сцену романа случайных попутчиков – возвращающейся с южного отдыха дамы и армейского поручика. В паузах между фразами я успевал бросать короткие взгляды на своих слушателей, чтобы оценить их реакцию, – доходит ли до них, трогает ли? Вася Винокуров, наш гармонист, а в миру (на «гражданке») – сельский тракторист и тугодум, внимательно смотрел в вечернюю высь, с минимумом переживаний на круглом лице. «Сойдём, – повторил он тупо, – умоляю вас...» – «Ах, да делайте, как хотите», – сказала она, отворачиваясь». А за моей спиной тихонько отворилась дверь, из «караулки» к моим слушателям подсел сержант Лесников. Упёршись взглядом в вытопанную землю перед скамейками, он довольно быстро вник в суть повествования и, довольный тем, что уловил мысль автора, опустил голову и закрыл глаза. Всего две страницы рассказа посвящены любовной, казалось бы, мимолётной встрече поручика с прекрасной незнакомой женщиной. Но эти две страницы в считанные минуты увлекли и овладели душевным настроением моих суровых сослуживцев в такой степени, что остальные

пять страниц о переживаниях влюблённого поручика они дослушали с величайшим вниманием. Я был счастлив.

В поздних сумерках, когда уже начинали высвечиваться звёзды в майском праздничном небе, подошла моя очередь заступать на смену. Мой пост, склад ГСМ – огороженный колючей проволокой прямоугольник в чистеньком лесочке, с громадными, похожими на мамонтов, пасущихся в тёмном березнячке, цистернами с горючим. Было приятно в ночном одиночестве шагать в весенней свежести по тропинке среди ещё нераспустившихся берёз и складывать грустные строчки:

Удары сердца в голову тугие,

И жизнь не жизнь, а смертная тоска...

Ну как, скажите мне, от ностальгии,

Какой «Зубровкой» душу заласкать?

Есть где-то дом и мать совсем седая.

Есть в горле ком невыплаканных слёз.

Есть глупость слов, и грубость назиданий,

И гром бездождевых весенних гроз.

И грозы мимо громахают где-то,

Как будто грусть о том, что я умру...

Приходит май, и скоро уже лето.

А я хочу к сентябрьскому костру.

Поделиться своим ночным творением мне не с кем, ведь даже самые близкие мои два приятеля далеки от поэзии, поэтому оно молча уходит, как и прочие, в маленькую записную книжку и в очередное письмо университетскому другу.

Заканчивались праздничные караульные сутки. О том, что это был первомайский наряд, напоминало, как это ни странно сейчас, только немного необычное меню на обед. В те годы, когда солдаты тянули лямку по три года, существовали «компотные» дни, когда в обед на третье полагался компот и пара тоненьких кусочков горбуши. Это было в праздничные дни. Во все остальные – кисель. Довольные тем, что скоро нас сменит новый караул и мы успеем в клубе посмотреть хоть «Чапаева», обсуждали когда-то увиденные фильмы, сидели, курили. Солнце было ещё высоко, по-майски празднично светило, а в это время сквозь плотные слои атмосферы гибельно-стремительно неслась в объятия матери-земли капсула с космонавтом В. Комаровым, у которой не сработали тормозные парашюты, но об этом мы услышим только через полчаса из того же «колокола», из которого пока гремела торжественная праздничная музыка.

